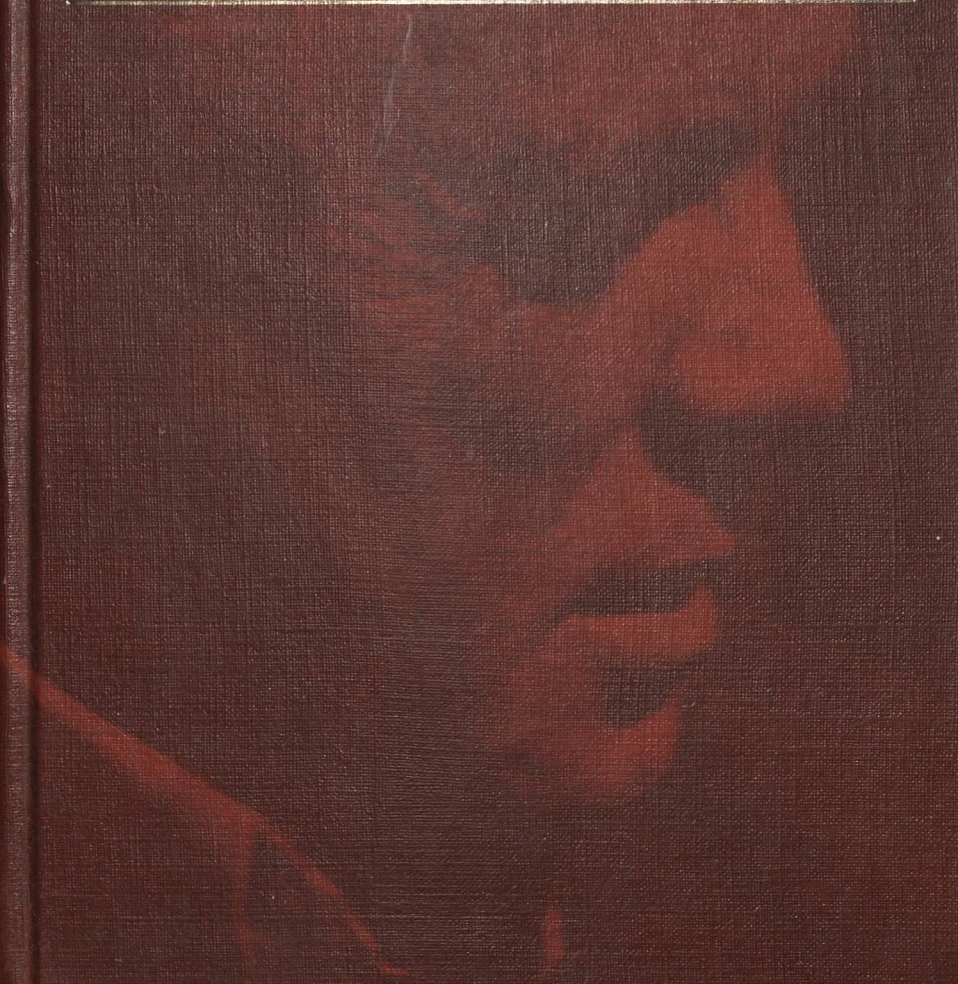

красная книга русской прозы

Виктор Астафьев

Пастух и пастушка

повести

красная книга русской прозы

Виктор Астафьев

Пастух и пастушка

повести

Москва

ЭКСМО

2004

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 91

84(2Р54Кра)-44
А91

Оформление серии
и макет художника Андрея Бондаренко

А 91 Астафьев В.
Пастух и пастушка: Повести. — М.: Изд-во Эксмо,
2004.— 752 с. (Красная книга русской прозы).

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 5-699-06061-8

© М. С. Астафьева, наследница, 2004
© Оформление. А. Бондаренко, 2004
© ООО «Издательство «Эксмо», 2004

Пастух и пастушка

современная пастораль

И брела она по тихому, тихому, неизведанному, неизжитому, как-то не знавшему. В сараплин ее сыпались семена трава, колючки цеплялись за пальто старомоляного покрова, отделанного серебряным медом на рукавах.

Оступаясь, соскальзывая, будто ее не было, она поднималась на железнодорожную линию. Звучали не слышимые, шаг ее был суетливым, обивающим.

Насколько хватало взгляды — стены, немая, изломанная, извивавшаяся рыжеватой шерсткой. Соловьиный надрывный пискливы стенную даль, добавляла немоты в ее беззвучное пространство, да у самого неба тенно проступал хребет Урала, тоже немой, тоже надменно усталый. Людей не было. Птиц не слышно. Ског отогнали к прототормам. Поезда проходили редко.

Ничто не тревожило пустынной дачи.

В глазах ее стояли слезы, и оттого все плыло перед нею, качалось, как в море, и где начиналось небо, где кончилось море — она не различала. Хвостатыми волорослыми шевелились рельсы. Волнами накатывали шпалы. Дилать ей становилось все труднее, будто поднималась она по бесконечной платкой лестнице.

У километрового столба она вытерла глаза рукой. Полосатый столбик порябил порябил и утвердился перел

СОДЕРЖАНИЕ

Пастух и пастушка. <i>Современная пастораль</i>	5
Часть первая. Бой	9
Часть вторая. Свидание	29
Часть третья. Прощание	102
Часть четвертая. Успение	124

ТАК ХОЧЕТСЯ ЖИТЬ. *Повесть*

Часть первая. ДОРОГА НА ФРОНТ	159
Часть вторая. ДОРОГА С ФРОНТА	271
Часть третья. ЛУННЫЙ БЛИК	344

ОБЕРТОН. *Повесть*

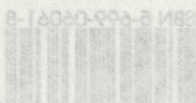
375

ВЕСЕЛЫЙ СОЛДАТ. *Повесть*

Часть первая. СОЛДАТ ЛЕЧИТСЯ	475
Часть вторая. СОЛДАТ ЖЕНИТСЯ	581

Комментарий автора

Всей моей жизнью и кровью	746
---------------------------------	-----

8 13030 030310

Любовь моя, в том мире давнем,
Где бездны, куши, купола, —
Я птицей был, цветком и камнем
И перлом — всем, чем ты была!

Теофиль Готье

И брела она по тихому полю, непаханому, нехоженому, ко-
сы не знавшему. В сандалии ее сыпались семена трав, ко-
лючки цеплялись за пальто старомодного покроя, отделан-
ного сереньким мехом на рукавах.

Оступаясь, соскальзывая, будто по наледи, она подня-
лась на железнодорожную линию, зачастила по шпалам,
шаг ее был суетливый, сбивающийся.

Насколько хватало взгляда — степь, немая, предзимно
взявшаяся рыжеватой шерсткой. Солончаки накрапом
пятнали степную даль, добавляя немоты в ее безгласное
пространство, да у самого неба тенью проступал хребет
Урала, тоже немой, тоже недвижно усталый. Людей не бы-
ло. Птиц не слышно. Скот отогнали к предгорьям. Поезда
проходили редко.

Ничто не тревожило пустынной тишины.

В глазах ее стояли слезы, и оттого все плыло перед
нею, качалось, как в море, и где начиналось небо, где кон-
чалось море — она не различала. Хвостатыми водорослями
шевелились рельсы. Волнами накатывали шпалы. Дышать
ей становилось все труднее, будто поднималась она по бес-
конечной шаткой лестнице.

У километрового столба она вытерла глаза рукой. По-
лосатый столбик порябил-порябил и утвердился перед

Виктор Астафьев

нею. Она опустилась с линии и на сигнальном кургане, сделанном пожарными или в древнюю пору кочевниками, отыскала могилу.

Может, была когда-то на пирамидке звездочка, но отопрела. Могилу затянуло травой провололочником и полынью. Татарник взнимался рядом с пирамидкой-столбиком, не решаясь подняться выше. Несмело цеплялся он заусенцами за изветренный столбик, ребристое тело его было измучено и остисто.

Она опустилась на колени перед могилой.

— Как долго я тебя искала!

Ветер шевелил полынь на могиле, вытеребливал пух из шишечек карлика-татарника. Сыпучие семена чернобыла и замершая сухая трава лежали в бурых щелях старчески потрескавшейся земли. Пепельным тленом отливала предзимняя степь, угрюмо нависал над нею древний хребет, глубоко вдавившийся грудью в равнину, так глубоко, так грузно, что выдавилась из глубины земли горькая соль и бельма солончаков, отблескивая холодно, плоско, наполняли мертвенным льдистым светом и горизонт, и небо, спаявшиеся с ним.

Но это там, дальше было все мертво, все остыло, а здесь шевелилась пугливая жизнь, скорбно шелестели немощные травы, похрустывал костлявый татарник, сыпалась сохлая земля, какая-то живность, полевка-мышка, что ли, сустилась в трещинах земли меж сохлых травок, отыскивая прокорм.

Она развязала платок, прижалась лицом к могиле.

— Почему ты лежишь один посреди России?

И больше ни о чем не расспрашивала.

Думала.

Вспоминала.

Часть первая

Бой

«Есть упоение в бою!» — какие красивые и устарелые слова!..

*Из разговора,
услышанного на войне*

Орудийный гул опрокинул, смял ночную тишину. Просекая тучи снега, с треском полосуюя тьму, мелькали вспышки орудий, под ногами качалась, дрожала, шевелилась растревоженная земля вместе со снегом, с людьми, приникшими к ней грудью.

В тревоге и смятении проходила ночь.

Советские войска добивали почти уже задушенную группировку немецких войск, командование которой отказалось принять ультиматум о безоговорочной капитуляции и сейчас вот вечером, в ночи сделало последнюю свехотчаянную попытку вырваться из окружения.

Взвод Бориса Костяева вместе с другими взводами, ротами, батальонами, полками с вечера ждал удара противника па прорыв. Машины, танки, кавалерия весь день металась по фронту. В темноте уже выкатились на взгорok «катюши», поизорвали телефонную связь. Солдаты, хватаясь за карабины, зверски ругались с эрсовцами — так называли на фронте минометчиков с реактивных установок — «катюш». На зачехленных установках толсто лежал снег. Сами машины как бы приосели на лапах перед прыжком. Изредка всплывали над передовой ракеты, и тогда видно делалось стволы пушчонок, торчащих из снега, длинные спички пэтээров. Немытой картошкой, бесхо-

зайтвенно высыпанной на снег, виделись солдатские головы в касках и планках, там и сям церковными свечами светились солдатские костерки, но вдруг среди полей поднималось круглое пламя, взнимался черный дым — не то подорвался кто на mine, не то загорелся бензовоз либо склад, не то просто плеснули горючим в костерок танкисты или шофера, взбодряя силу огня и торопясь доварить в ведре похлебайку.

В полночь во взвод Костяева приволоклась тыловая команда, принесла супу и сто боевых граммов. В траншеях началось оживание. Тыловая команда, напуганная глухой метельной тишиной, древним светом диких костров — казалось, враг, вот он, ползет-подбирается, — торопила с едой, чтобы скорее заполучить термосы и умотать отсюда. Храбро сулились тыловики к утру еще принести еды и, если выгорит, водчонки. Бойцы отпускать тыловиков с передовой не спешили, разжигали в них панику байками о том, как тут много противника кругом и как он, нечистый дух, любит и умеет ударять врасплох.

Эрэсовцам еды и выпивки не доставили, у них тыловики пешком ходить разучились, да еще по уброду. Пехота оказалась по такой погоде пробойней. Благодушные пехотинцы дали похлебать супу, отделили курева эрэсовцам. «Только по нас не палить!» — ставили условие.

Гул боя возникал то справа, то слева, то близко, то далеко. А на этом участке тихо, тревожно. Безмерное терпение кончалось, у молодых солдат являлось желание ринуться в кромешную темноту, разрешить неведомое томление пальбой, боем, истратить накопившуюся злость. Бойцы постарше, натерпевшиеся от войны, стойче переносили холод, секущую метель, неизвестность, надеялись: пронесет и на этот раз. Но в предутренний уже час, в километре, может в двух, правее взвода Костяева послышалась большая стрельба. Сзади, из снега, ударили полуторасотки-гаубицы, снаряды, шамкая и шипя, полетели над пехотинцами, заставляя утягивать головы в воротники оснеженных, мерзлых шинелей.

Пастух и пастушка

Стрельба стала разрастаться, густеть, накатываться. Пронзительней завывали мины, немая заскрежетала эрэсы, озарились окопы грозными всполохами. Впереди, чуть левее, часто, заполошно твюкала батарея полковых пушек, рассыпая искры, выбрасывая горячей вехоткой скомканное пламя.

Борис вынул пистолет из кобуры, поспешил по окопу, то и дело проваливаясь в снежную кашу. Траншею хотя и чистили лопатами всю ночь и набросали высокий бруствер из снега, но все равно хода сообщений забило местами вровень со срезами, да и не различить было эти срезы.

— О-о-о-од! Приготовиться! — крикнул Борис, точнее, пытался кричать. Губы у него состылись, и команда получилась невнятная. Помкомвзвода старшина Мохнаков поймал Бориса за полу шинели, уронил рядом с собой, и в это время эрэсы выхаркнули вместе с пламенем угловатые стрелы снарядов, озарив и парализовав на минуту земную жизнь, кипящее в снегах людское месиво; рассекло и прошило струями трассирующих пуль мерклый ночной покров; мерзло застучал пулемет, у которого расчетом воевали Карышев и Малышев; ореховой скорлупой посыпали автоматы; отрывисто захлопали винтовки и карабины.

Из круговерти снега, из пламени взрывов, из-под клубящихся дымов, из комьев земли, из охающего, ревающего, с треском рвущего земную и небесную высь, где, казалось, не было и не могло уже быть ничего живого, возникла и покатила на траншею темная масса из людей. С кашлем, криком, визгом хлынула на траншею эта масса, провалилась, забурлила, заплескалась, смывая разъяренным отчаянием гибели волнами все сущее вокруг. Оголодалые, деморализованные окружением и стужей, немцы лезли вперед безумно, слепо. Их быстро прикончили штыками и лопатами. Но за первой волной накатилa другая, третья. Все перемешалось в ночи: рев, стрельба, матюки, крик раненых, дрожь земли, с визгом откаты пушек, которые били теперь и по своим, и по немцам, не разбирая, кто где. Да и разобрать уже ничего было нельзя.

Борис и старшина держались вместе. Старшина — левша, в сильной левой руке он держал лопатку, в правой — трофейный пистолет. Он не палил куда попало, не суетился. Он и в снегу, в темноте видел, где ему надо быть. Он падал, зарывался в сугроб, потом вскакивал, поднимая на себе воз снега, делал короткий бросок, рубил лопатой, стрелял, отбрасывал что-то с пути.

— Не психуй! Пропадешь! — кричал он Борису.

Дивясь его собранности, этому жестокому и верному расчету, Борис и сам стал видеть бой отчетливей, понимать, что взвод его жив, дерется, но каждый боец дерется поодиночке, и нужно знать солдатам, что он с ними.

— Ребя-а-а-ата-аа-а! Бе-ей! — кричал он, взрыдывая, брызгаясь бешеной вспенившейся слюной.

На крик его густо сыпали немцы, чтобы заткнуть ему глотку. Но на пути ко взводному все время оказывался Мохнаков и оборонял его, оборонял себя, взвод.

Пистолет у старшины выбили или обойма кончилась. Он выхватил у раненого немца автомат, расстрелял патроны и остался с одной лопаткой. Отоптав место возле траншеи, Мохнаков бросил через себя одного, другого тощего немца, но третий с визгом по-собачьи вцепился в него, и они клубком покатались в траншею, где копошились раненые, бросаясь друг на друга, воя от боли и ярости.

Ракеты, много ракет взмыло в небо. И в коротком, полущем свете отрывками, проблесками возникали лоскутья боя, в адовом столпотворении то сближались, то проваливались во тьму, зияющую за огнем, ощеренные лица. Снеговая пороша в свете делалась черной, пахла порохом, секла лицо до крови, забивала дыхание.

Огромный человек, шевеля громадной тенью и развещающимся за спиной факелом, двигался, нет, летел на огненных крыльях к окопу, круша все на своем пути железным ломом. Сыпались люди с разваленными черепами, торной тропой по снегу стелилось, плыло за карающей силой мясо, кровь, копать.

Пастух и пастушка

— Бей его! Бей! — Борис пятился по траншее, стрелял из пистолета и не мог попасть, уперся спиной в стену, перебирал ногами, словно бы во сне, и не понимал, почему не может убежать, почему не повинуются ему ноги.

Страшен был тот, горящий, с ломом. Тень его металась, то увеличиваясь, то исчезая, он сам, как выходец из преисподней, то разгорался, то темнел, проваливался в генну огненную. Он дико выл, оскаливая зубы, и чудились на нем густые волосы, лом уже был не ломом, а выданным с корнем дубьем. Руки длинные с когтями...

Холодом, мраком, лешачьей древностью веяло от этого чудовища. Полыхающий факел, будто отсвет тех огненных бурь, из которых возникло чудовище, поднялось с четверенек, дошло до наших времен с неизменившимся обликом пещерного жителя, овеществлял это видение.

«Идем в крови и пламени...» — вспомнились вдруг слова из песни Мохнакова, и сам он тут как тут объявился. Рванул из траншеи, побрел, черпая валенками снег, сошел с тем, что горел уже весь, рухнул к его ногам.

— Старшина-а-а-а! Мохнако-о-ов! — Борис пытался забить новую обойму в рукоятку пистолета и выпрыгнуть из траншеи. Но сзади кто-то держал, тянул его за шинель.

— Карау-у-ул! — тонко вел на последнем издыхании Шкалик, ординарец Бориса, самый молодой во взводе боец. Он не отпускал от себя командира, пытался стащить его в снежную норку. Борис отбросил Шкалика и ждал, подняв пистолет, когда вспыхнет ракета. Рука его отвердела, не качалась, и все в нем вдруг заостенело, сцепилось в твердый комок — теперь он попадет, твердо знал — попадет.

Ракета. Другая. Пучком выплеснулись ракеты. Борис увидел старшину. Тот топтал что-то горящее. Клубок огня катился из-под ног Мохнакова, ошметки разлетались по сторонам. Погасло. Старшина грузно свалился в траншею.

— Ты живой! — Борис хватал старшину, ощупывал.

— Все! Все! Рехнулся фриц! С катушек сошел!.. — втыкая лопатку в снег, вытирая ее о землю, задышливо выкрикивал старшина. — Простыня на нем вспыхнула... Страсть!..

военной прозы. Она выстрадана мной не за столом, а всей моей жизнью и кровью, пролитой на войне, которой, будь наш народ побдительней и поумней, могло и не быть, и жил бы русский народ нормальной человеческой жизнью, а не боролись бы мы постоянно и героически за выживание.

Комментарий автора